
АРНОЛЬД МИНДЕЛЛ

Письмо К. Г. Юнгу по случаю его 125-летия*

Арнольд Минделл (Arnold Mindell, Портленд, США) – американский психотерапевт, основатель процессуально ориентированной психологии. Имеет ученые степени по физике и психологии. Наряду с Кеном Уилбером и Станиславом Грофом считается ведущим представителем современной трансперсональной психологии. Автор более чем 20 книг, большинство из которых переведено на русский язык. В числе последних книг Минделла – «Танец древнего», «Процессуальный ум», «Геопсихология».

МИНДЕЛЛ И ЮНГ. ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Так сложилось, что некоторые юнгианцы почти или даже совсем не знакомы с процессуально ориентированной психологией. С другой стороны, в процессуальном сообществе далеко не все представляют себе, насколько тесно связаны Минделл и Юнг. И тем, и другим, да и вообще всем, кто интересуется этой темой стоит прочитать публикуемый ниже текст основателя процессуально ориентированной психологии

* Впервые опубликовано: Lieber C. G. Jung. Was ich Ihnen schon immer sagen wollte // Hg. Schiess, Marianne. – Düsseldorf, Zürich: Walter (bei Patmos), 2000.

Арнольда Минделла, где он рассказывает о юнгианских основаниях своего подхода и своих личных отношениях с Юнгом как учителем и коллегой.

Жанр этого текста необычен. Это письмо, которое Минделл написал Юнгу почти через 40 лет после смерти последнего. В реальной жизни (или, точнее, в консенсусной реальности) они не встречались, но с момента прихода Минделла в юнгианскую психологию в 1961 году между ними установились глубокие человеческие и профессиональные отношения на сновидческом уровне реальности. В своей концепции Минделл называет этот уровень Dreamland – страной грез (или снов).

Нужно сказать о сложности перевода на русский язык понятия Dreaming, одного из ключевых в подходе Минделла. Дело в том, что оно содержит в себе весь спектр значений глагола dream – «видеть сны», «мечтать», «грезить», «воображать», «помышлять» и тому подобное. Наиболее адекватный вариант перевода Dreaming на русский – «сновидение», он используется в большинстве изданий Минделла на русском. Сновидение – это процесс, тогда как сновидение – это содержание этого процесса. Кроме того, сновидение сохраняет всю многозначность оригинала. Единственная неустраняемая проблема в том, что без минимального понимания концепции Минделла и знания контекста будет совершенно неясно, о чем идет речь. Процесс сновидения – это, по Минделлу, основа того, как работает психика человека. Отсюда и название самого направления – процессуально ориентированная психология (process-oriented psychology), или, сокращенно, процессуальная работа (process work).

Минделл сновидел свое общение с Юнгом. Было ли это на самом деле? Это похоже на часто задаваемый вопрос, существовал ли на самом деле дон Хуан

или его выдумал Кастанеда, очень, кстати, ценимый Минделлом. Наверное, важно другое. Юнгианство – это первое и главное из оснований процессуально ориентированной психологии, наряду с квантовой физикой, даосизмом и шаманизмом, и сам Минделл часто говорит о себе как о юнгианце. А еще он намекает на «невидимую поддержку», которую постоянно получает от Юнга.

В процессуально ориентированной психологии есть необычная для светской психотерапии шаманская форма работы – работа с духом. Дух – это некая сущность, стоящая у истоков чего-либо: организации, сообщества, отношений или какого-нибудь проекта, например нового подхода в психотерапии. Дух помогает родиться новому начинанию, задает ему направление, вдыхает в него жизнь. С духом очень важно поддерживать связь, чтобы помнить о задаче, которую он изначально возложил, и тогда от него будет приходиться помощь. Существует много разных способов общения с духом. Можно, например, написать ему письмо.

КИРИЛЛ СЕМЕНОВ

Дорогие друзья в России, привет!
Надеюсь, вам понравится сделанный Кириллом перевод моего письма К. Г. Юнгу по случаю его 125-летия. Сегодня я по-прежнему чувствую сильную связь с Юнгом. И хотя я уже развил новые идеи, лежащая в основе его исследований, вера в то, что он называл бессознательным, все так же священна для меня.

АРНОЛЬД МИНДЕЛЛ,

12 июля 2016 года

* * *

Дорогой доктор Юнг, дорогой Карл Густав, Как жизнь в мире мертвых? Судя по тому, что я слышу от Вас в последнее время во сне, Вы вполне неплохо устроились в этой Вашей виртуальной реальности, которую некоторые называют небесами. Вы сказали, что заново пишете свою автобиографию. Это просто здорово, потому что мне есть много что рассказать о Вашей жизни, да и о своей тоже.

Как бы то ни было, я рад, что мы с Вами снова в контакте. Сейчас я пишу по случаю Вашего 125-летия, поэтому позвольте сначала сказать: с днем рождения! Или в виртуальной реальности нет времени? Пишу, чтобы поделиться новыми соображениями по поводу наших отношений. Надо сказать, что мы оба сильно выросли. В этом письме я надеюсь также пообщаться и с нелокальным Карлом Густавом Юнгом, который живет во многих из нас.

Мы с Вами знакомы по моим снам, через Ваших учеников — Марию-Луизу фон Франц, Барбару Ханну и Франца Риклина; кроме того, мы общаемся, когда я изучаю Ваши работы. И еще я стал к Вам намного ближе благодаря контактам с членами Вашей семьи.

Вы, должно быть, помните, что мы впервые встретились через неделю после Вашей смерти, 6 июня 1961 года. Тогда мы часто виделись во времени сновидений и много общались. Я Вас почитаю, уважаю и сердечно люблю, Вы это знаете, хотя к Вашей работе, если смотреть на нее с современной точки зрения, отношусь с определенными оговорками. И я бесконечно благодарен за вдохновение, которое беру от Вас.

ЧТО ПРИВЕЛО МЕНЯ К ВАМ

Вы, наверное, помните, что я узнал о Вашем существовании в июне 1961 года совершенно случайно. Я тогда учился по обмену в Высшей технической школе Цюриха перед поступлением на от-

деление прикладной физики в Массачусетский технологический институт. В то время я ничего про Вас не слышал, но мне повезло познакомиться с отличным парнем, который оказался клиентом Марии-Луизы фон Франц.

И неслучайно тот парень был гомосексуалистом и афроамериканцем, живущим в Европе. Я специально об этом упоминаю, так как вопросы расы, сексуальной ориентации и вероисповедания, о которых мы часто говорили с ним в тот период в 1961 году, впоследствии станут ключевыми темами в моей собственной работе. Стремление к большему разнообразию — это один из решающих факторов, побудивших меня расширить рамки Вашего подхода, который оказался гораздо более европоцентричным, чем мы тогда могли подумать.

САМОЕ ВАЖНОЕ ДЛЯ МЕНЯ В ВАШЕМ УЧЕНИИ

Если Вы помните наши беседы того времени, в Вашей работе меня больше всего привлекала часть, связанная с безусловным доверием, которое Вы испытывали к природе сновидений. Я тогда постоянно слышал от Марии-Луизы фон Франц и ее друзей, Барбары Ханны и Франца Риклина, упоминания о «волшебном Карле Густаве». Это часто звучало так, как будто Вы все еще живы и живете где-то совсем поблизости: «Юнг говорит, доверяй своим снам, следуй за ними».

Я чувствовал, что сны для Вас были чем-то непостижимым, чем-то божественным, лежащим за гранью обычной жизни людей с их переменчивыми мнениями. В снах была чистота и определенность, и в то же время они были связаны с повседневной жизнью — вот за это я и полюбил работу со сновидениями. Мои терапевты твердили: «Забудь об академических исследованиях Юнга. Юнг вообще не про это. Лучше думай, как наладить отношения со своими снами».

Я много узнал из этого Вашего подхода, но тогда я еще не понимал, что Вы так и не окончили свое предложение, которое начиналось словами: «Следуй за своими сновидениями». Да и могло ли быть иначе? Но если Вы не объясняете, как именно проявляют

себя сны, тогда непонятно, как за ними следовать. Вы учили, что следовать за своими снами — это значит устраивать свою повседневную жизнь согласно их смыслу. Но Вы ничего не сказали о том, что сны проявляют себя не только ночью, но и днем, в отношениях с другими людьми и в других событиях, в том числе на уровне организаций и сообществ. Если исключить организации из мира сновидений, то некоторые конфликты так и останутся неразрешенными. Ну что ж, Вы сделали все, что могли. А теперь, полагаю, дело за нами.

Как Вы знаете, в юнгианских сообществах всегда было что-то вроде раскола. Это, видимо, дело неизбежное. Среди нас были те, кто считал себя ближе к духу Вашей работы, и были «другие», на другом полюсе. Ох уж эти проекции!

По правде говоря, если бы тогда я знал то, что знаю сейчас, я бы не считал юнгианские институты и центры всего лишь академическими учреждениями. Нет, я был бы мудрее и сообразил бы, что все они являются составной частью большого процесса сновидения. Через несколько минут я объясню, что имею в виду под сновидением.

В любом случае одной из ключевых тем, которые я взял от Вас, стала синхрония и ее связь с даосизмом. В восьмом томе собрания сочинений Ваших работ есть текст с загадочным названием «Психоидная природа бессознательного». Там говорится о том, что в будущем перед нами встанет задача понять связь между физикой и психологией. Меня тогда совершенно захватил принцип «Дао, которое нельзя выразить словами». Мне захотелось понять, что Вы называли психоидным и что это было такое в действительности. Следующие 40 лет у меня ушло на то, чтобы разобраться, как можно воспринимать это самое «Дао, которое нельзя выразить словами» (да и увидеть его тоже нельзя)¹.

¹ См. мою книгу «Квантовый ум. Грань между физикой и психологией» (Москва, 2011). — *Примеч. авт.*

ПЕРЕМНЫ В МОИХ ВЗГЛЯДАХ НА ЮНГИАНСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Сдав экзамены в Институте Юнга, я стал одним из самых молодых обучающихся аналитиков того времени. По мере изучения Ваших работ, отношение к сделанному Вами становилось все менее романтическим. Я начал осознавать, что Вы тоже были молоды. Да и могло ли быть иначе? Ведь психотерапия в сравнении с другими научными дисциплинами (не считая алхимии) еще в младенческом возрасте! Ваши идеи не высечены в камне, все лишь начинается. Со временем я понял: Вы так туманно рассуждали не только потому, что лишь начинали исследования «коллективного бессознательного», но и из-за недостатка опыта работы с людьми в разных состояниях сознания. Только после Вашей смерти мы с Вами заговорили о людях в коме, о переживании телесного опыта, о роли двигательных процессов и конфликтах в больших группах.

Идея о том, что можно следовать за сновидениями, увлекла меня. Вскоре мне удалось показать, что мы сновидим не только ночью, но и днем тоже — в форме телесных симптомов. И чем больше у меня было практики, тем лучше я осознавал, что так называемые сны — это всего лишь застывшие ночные образы. И эти образы дожидаются, чтобы мы их как бы «разморозили» — развернули сон дальше, и не только в фантазии, но и через движение.

ПРОЦЕСС СНОВИДЕНИЯ

Чем сильнее был интерес к снам, тем больше я понимал, что меня интересует сам процесс сновидения, или просто процесс. Проявления этого процесса обнаруживаются с помощью натренированного проприоцептивного восприятия, в телесных ощущениях, возникающих в связи с телесными симптомами, в спонтанных движениях, в сигналах, которыми непроизвольно обмениваются люди во время общения, да где угодно, если смотреть внимательно. Зачем ограничиваться снами? Надо заняться самим процессом сновидения во всех его проявлениях.

Вы знаете, как трудно мне было найти язык описания для этого загадочного процесса. Мне помогли сначала теория информации², а позже — квантовая физика³.

В итоге этот мой интерес к проживанию процесса, скрывающегося за сновидениями, и привел к возникновению того, что я сейчас называю процессуально ориентированной психологией.

АСПЕКТЫ ВАШЕГО УЧЕНИЯ, С КОТОРЫМИ Я НЕ ДО КОНЦА СОГЛАСЕН

Сейчас, когда я думаю о проделанной работе, мне хорошо видно, что есть несколько ключевых областей, где наши с Вами взгляды расходятся.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Вы с Фрейдом думали, что «королевская дорога к бессознательному лежит через сны». Для меня сегодня ясно, что эта дорога — одна из многих и не главная. Разве Вы не согласны с тем, что к бессознательному ведет много высокоскоростных трасс? Например, спонтанный телесный опыт, непреднамеренные движения тела, работа с отношениями, коматозные состояния и работа с большими группами. Я знаю, что Вы приняли эти идеи после того, как мы их обсудили. Вы часто приходили ко мне во сне, и новые идеи всегда производили на Вас сильное впечатление.

ПСИХИАТРИЯ

Благодаря Вам у некоторых из нас сложилось впечатление, что бессознательное — это нечто ужасное и если приблизиться к нему слишком близко, то можно потерять рассудок. С этим трудно поспорить. Быть человеком — это может оказаться устрашающим и опасным проектом. Однако, когда я начал работать с людьми,

^{2,3} См. книги «Путь реки» (River's Way. — Deep Democracy Exchange, 2011) и «Квантовый ум». — *Примеч. авт.*

которые боялись безумия, я начал осознавать, что свойственный Вам осторожный подход — которым я в целом руководствуюсь и сегодня — не всегда оправдан. Слишком осторожное отношение к сновидению скорее пугает людей.

Вы же знаете, я дитя 1960-х. Мы тогда все в каком-то смысле жили в бессознательном, предпочитая внутреннее пространство внешнему миру. Ну да, мы были слишком наивными, слишком любили экспериментировать. И все же Ваш подход был слишком жестким. Я, конечно, понимаю, Вы хотели тогда в лучшем виде продемонстрировать другим свою академическую Персону. Но ведь страх перед бессознательным мешает нам исследовать телесный опыт. Помните, я Вам рассказывал, что некоторые мои коллеги поначалу думали, что если «пойти в тело», то можно сойти с ума! Карл Густав, ну честное слово, не было ничего подобного!

Приближение к бессознательному не представляет собой такой опасности, как мы думали. Наоборот, одна из главных проблем заключается в том, что люди теряют связь со своим сновидческим процессом. Именно поэтому возникает так много болезней. Отчасти по этой причине, например, многие терапевты считают коренные народности примитивными культурами. По сути, именно страх эмоций является одной из главных причин бессознательного расизма, который так распространен в белых культурах. Уверен, Вы понимаете, что я имею в виду. Психология — это не только наука! Это еще и политика. Если Вы боитесь эмоций, то боитесь и измененных состояний сознания, и тогда Вы маргинализуете культуры, чья духовность основывается на таких состояниях.

Тем не менее я должен сказать кое-что в Вашу поддержку. Если терапевты не обучены или не подготовлены к тому, чтобы иметь дело с сильными эмоциями и / или измененными состояниями сознания, с этим загадочным процессом сновидения, то все это кажется им гораздо более опасным, чем есть на самом деле. Если мы чего-то боимся, если мы не готовы это исследовать, то в итоге мы сочиняем теорию, которая говорит: «Держитесь подальше от измененных состояний сознания»

или «Сторонитесь групп, интеллектуальный уровень людей там снижается». Поверьте, Карл Густав, в некоторых группах как раз и нужно понизить интеллектуальный уровень — люди тогда смогут спуститься на землю. Иначе будет больно падать. «Спуститься на землю» означает иметь дело с повседневными, не очень возвышенными человеческими чувствами — завистью, честолюбием, эмоциональными срывами, конкуренцией. С группой происходит то же самое, что и с отдельным человеком, и все это — точки входа в бессознательные процессы сновидения.

РАБОТА С ТЕЛОМ

Мы боимся природы и бессознательного отчасти потому, что нам не хватает с ними контакта в повседневной жизни, где они проявляются лишь в виде глубинных переживаний, смутных телесных ощущений и тому подобного. В результате страх проникает в нашу теорию, и мы тогда начинаем рассуждать о бессознательном — в том числе для того, чтобы защититься от этого страха.

Не страх ли заставил Вас сделать больший, чем это было нужно, акцент на интеллектуальной работе? Я вот слышал, что у Вас бывали бурные вечеринки и много веселья. Смех — это то, чего также сильно не хватает в терапии. Если мы не идем в тело сознательно, то терапевты все равно сделают это бессознательно, и тогда терапия и отношения перемешаются. Из-за страха перед собственным телом и недостатка понимания того, как устроены отношения и как они связаны с обществом, тело сейчас почти исключено из терапевтических отношений. Вместо того чтобы исследовать свои телесные ощущения и разбираться, как они связаны с социальными структурами и повседневной реальностью, мы повторяем формулу: «Давайте забудем о теле, будем относиться к сновидящему как к клиенту, а не как к человеку».

Терапевты, которые много размышляют о снах, по всей видимости, засиделись в своих креслах. Я сам просидел так очень долго и совсем извелся. Мне захотелось работать с телом. Что

произойдет, если сконцентрироваться на таких проявлениях процесса сновидения в теле, как зуд, покалывание, ноющая или острая боль — сконцентрироваться и даже усилить их?

И надо же, никто не сошел с ума! Наоборот, люди воодушевились и открыли для себя опыт проживания собственных сновидений! Например, у одного из моих клиентов сильно болела, раскалывалась голова. Когда я попросил его сосредоточиться на этой боли, к своему огромному удивлению он увидел в воображении барабан. И сразу вслед за этим ему открылся смысл недавнего сна, в котором кто-то стучал на барабане. Когда этот человек научился приносить энергию этой барабанной дробы в свою жизнь, в какой-то момент симптомы исчезли! Обо всем этом я рассказываю очень вкратце, поскольку знаю, что Вы знакомы с моими работами на эту тему⁴.

РАБОТА СО СНОВИДЕНИЯМИ

Так я обнаружил, что для понимания смысла снов не нужно их анализировать. Можно даже забыть о снах и работать с одним телом. Разворачивая телесные симптомы, мы получаем доступ к процессу сновидения, и таким образом перед нами раскрывается смысл нашего произвольного поведения⁵.

Разве не Вы говорили, что сны истолковывают сами себя? Сейчас мы можем сделать еще более общее утверждение: смысл снов и телесных симптомов можно раскрыть через процесс сновидения!

РАБОТА С ОТНОШЕНИЯМИ

Вы — человек своей эпохи, как и каждый из нас. Вы думали, что Ваши отношения являются Вашим частным делом и что их нужно скрывать от посторонних глаз. Очень понимаю Вас

⁴ См. мою книгу «Сновидящее тело» (Dreambody. — Deep Democracy Exchange, 2011). — *Примеч. авт.*

⁵ См. мою книгу «Работа со сновидящим телом» (Московский психотерапевтический журнал. 1993. №№ 1–3). — *Примеч. авт.*

в этом. Кто же захочет, чтобы самые интимные подробности его жизни стали публичным достоянием? Увольте!

Но в то же время, Карл Густав, я больше не разделяю эту позицию. Интересно, согласитесь ли Вы с тем, что я скажу дальше. Дело в том, что такое представление об отношениях приведет к ненужному конфликту между Вами, Вашей партнершей (или тайной партнершей, что тоже возможно) и сообществом, в котором Вы живете. Если у Вас есть тайны, то обязательно есть те, от кого Вы эти тайны скрываете. Логично?

По-моему, такая скрытность в итоге привела к тому, что о Ваших отношениях с женщинами написано едва ли не больше, чем о Ваших идеях. Я согласен, что отношения — дело интимное. И, как я сказал, мне не нужны подробности. Но тут возникают и более фундаментальные вопросы, например о том, как люди вообще могут быть вместе. И это уже вопросы политические, они касаются всех. Общество все время сует свой нос в частную жизнь определенных людей, потому что мы сновидим! Нам нужно увидеть реальных людей в реальных отношениях, потому что общественность страстно желает понять, что же это такое на самом деле — когда двое людей вступают в отношения и начинают сновидеть вместе! У нас нет примера реальных, живых людей, которые не скрывали бы перед обществом свои реальные отношения. Вот поэтому нам все время приходится фантазировать. Другими словами, такой чрезмерный интерес к теме отношений (да и к другим темам тоже) вызван тем, что люди все время сновидят.

Помните, как я обнаружил, что произвольные сигналы в общении отражаются в наших снах?⁶ Отношения — это процесс сновидения. Основываясь на этом, я предположил, что когда мы оказываемся с кем-то рядом, то, отслеживая свои сигналы, мы фактически смотрим свои сны! Представим, что я общаюсь

⁶ О том, как связаны телесные сигналы и процесс сновидения, можно подробно прочитать в моей книге «Сновидящее тело в отношениях» (The Dreambody in Relationships. — Lao Tse Press, 2001). — *Примеч. авт.*

с женщиной, и она мне говорит: «Я тебя люблю», а сама при этом отводит взгляд — это сигнал, ее тело сновидит! Тогда я тут же ее спрошу, что ей снится, и она ответит: «Я представляю, как целую тебя», а сама в это время будет смотреть в окно. А я чем занимаюсь? Делаю два дела одновременно — выясняю отношения и работаю со сновидениями.

Карл Густав, будь Вы живы, я бы предложил снять нас или кого-нибудь еще на видео, сам процесс общения. Я уверен, мы бы хорошо посмеялись и по-новому взглянули на то, что такое сны. Отношения — это часть процесса сновидения. Если мы работаем над отношениями только на внутреннем плане и не рассматриваем их как аспект сновидческого процесса, тогда мы неадекватно видим роль других людей, мы недооцениваем их, либо, наоборот, превозносим.

Я понимаю, что это непростой разговор. И хочу лишь сказать, что отношения являются частью большого сновидения — священного общественного ритуала, и в этом смысле их роль выходит далеко за пределы частной жизни. Нам нужно заметить сам акт, которым создаются и поддерживаются отношения, осознать всю его важность, и это должно стать одной из центральных тем для сообществ.

РАБОТА С ГРУППАМИ

Тааак, сообщества. Большая тема. Неужели Вы и вправду надеялись отделаться от нее, просто сказав: «Я Юнг, а не юнгианец»? Многие и по сей день цитируют эту Вашу формулу, когда хотят проехать по своему юнгианскому сообществу. Я знаю, что с тех пор, как Вы умерли, Вы больше так не думаете, да и к тому же, как говорится, кто старое помянет... Но все-таки, пока Вы были живы, Вы смотрели на своих коллег и последователей сверху вниз. Я не прав? Никто Вас не винит, само собой, с группами всегда не просто. Но, так или иначе, есть старый психологический принцип: если мне что-то снится, то это часть меня.

Расширим этот принцип. Если я сплетничаю про свою группу, с которой, как мне кажется, что-то не так, то все это напрямую касается меня самого. Если с моей группой что-то не так,

то у меня проблемы тоже. Если где-то там, во внешнем мире, идет война, я чувствую эту войну в себе. Когда я говорю: «Я Арни, и происходящее в мире лично меня не касается», — тем самым я отделяю себя от мира. Когда я говорю, что у меня никакой войны нет, получается, что война идет где-то там, а не здесь — и тем самым я ухожу от внутренней и внешней ответственности.

Я не могу, конечно, винить Вас за то, что Вы считаете группы опасными и менее осознанными, чем отдельных людей. Как для европейца и человека своей эпохи, для вас было естественно смотреть на форму жизни в группе как на примитивную. Но при всем этом такое отношение, как я уже сказал, ведет к расизму, не говоря уже о гомофобии, сексизме и прочих разных “-измах”. Я знаю, что у Вас в сердце не было предубеждения. Но поймите: если Вы избегаете группы, то тогда ни у нее, ни у людей, которые чувствуют себя исключенными, не будет шанса разбудить вас. Избегая контакта с группами, Вы избегаете встречи с теми частями себя, которые Вы бессознательно отрицаете. И тем самым Вы избегаете конкретных людей, которые могли бы помочь Вам не только в работе над собой, но и в отношениях с миром.

Я помню, как Вы говорили о двух типах отношения к миру — интровертном и экстравертном. Не могу не согласиться с этим подходом. Но все же, как мне кажется, не бывает интровертов или экстравертов в чистом виде. По сути, такие ярлыки используют только для того, чтобы отделаться от мировых проблем.

В моих снах вы научили меня «сидеть в огне» — выдерживать напряжение, находясь в группе. Я оставался в мире среди людей, и это было для меня формой внутренней работы. Спасибо Вам. Мне кажется, Ваши предрассудки были ненамеренными и их можно было избежать. Они были следствием Вашего образования и, возможно, того, что Вы боялись иметь дело с группами. Сейчас я не могу винить Вас за этот страх, он вполне понятен. Ведь чем больше в группах демократии, тем меньше там с вами соглашаются. И тем сильнее их участники хотят разделить власть между собой. И делают они это за счет авторитета

и репутации лидеров. Я не раз с этим сталкивался, и доходило до того, что в какой-то момент позиции лидеров нужно было восстанавливать.

Сейчас для меня группы, с которыми я сотрудничаю, и сообщества, в которые я вхожу, являются частью моего процесса индивидуации. Не спорю, иногда отношения с ними больше похожи на кошмарный сон, но ведь цель любых снов — помочь нам развиваться! Неважно, интроверт ты или экстраверт, физика и психология в один голос говорят о том, что никто не может развиваться сам по себе, в изоляции от мира, который нас окружает.

Вы готовы немного поразмышлять о наших юнгианских организациях? Помните, как Вы основали первый институт в Цюрихе? Не получилось ли все слишком жестко из-за страха конфликта между преподавателями и студентами? Так или иначе, Карл Густав, но этот институт был более авторитарной структурой, чем это было необходимо. В итоге система не смогла развиваться гибко. Сейчас все иначе, но это стоило большой борьбы, поверьте мне!

Согласитесь, сегодня мы видим, что напряженность в сообществах в отношении самих сообществ — это то же самое, что и телесные симптомы в отношении тела. Проблемы в сообществах — это сны, которые пытаются достигнуть нашего сознания. Подобным образом сновидения в организациях представляют собой разнообразные точки зрения и подходы, которые ждут, чтобы их заметили и начали обсуждать. Нам с Вами хорошо известно, как это может быть замечательно, когда люди не соглашаются друг с другом. На один и тот же счет может быть множество точек зрения. А уж такая недualная сущность, как Дао, в обычной жизни никак не может иметь меньше, чем 10 000 аспектов!

Я знаю, что легче сказать, чем сделать. Потому что в итоге кому-то придется фасилитировать весь этот хаос из десяти тысяч мнений, да еще так искусно, чтобы каждый почувствовал себя частичкой всеобщего, нашей Великой матери, или старого доброго Дао. Ну так, собственно, это и есть задача работы с группами. Поверьте, было непросто создать для этого инстру-

ментарий⁷. Это не что иное, как личная терапия. Если вы ошибетесь с клиентом, то он напряжется. Фасилитатора, который находится в центре большого процесса, если что, будут обвинять все. Это одна из причин, почему работа с группами так долго ждала своего часа. И, безусловно, такая форма публичной работы — это вызов, своего рода передовой рубеж для юнгианской психологии, да и для любого другого психотерапевтического подхода. Нет никакого сомнения, что будущее планеты в ближайшие 100 лет будет в значительной степени зависеть от того, насколько хорошо мы знаем себя и понимаем проблемы своих сообществ.

В своей автобиографии Вы рассказывали про сон, который Вам приснился, когда в Цюрихе начинал работу Институт К. Г. Юнга. Вам приснилось, как на институт сверху испражнился Бог. Вы истолковали сон так, что институт Богу не понравился. Не соглашусь с этим. На самом деле ровно наоборот. Не думаю, что Богу не понравилось это место. По-моему, смысл сна таков: Ему нужно было в туалет, и он сделал это в Цюрихе. А где еще боги должны ходить в туалет? Проблема как раз в том, что в нашем мире предостаточно дерьма от Него, и никто не хочет, да и не чувствует в себе сил все это разгрести. Кому охота разбираться с проблемами территориальной целостности или конкуренции?

Но я знаю, Вы не станете спорить, что кто-то же должен все это убрать. И я обращаюсь ко всем, но в первую очередь к себе, а также к Вам и к остальным белым людям гетеросексуальной ориентации, прежде всего мужчинам: давайте спустимся с нашего белого трона, где мы расселись со своими привилегиями, и уберем хотя бы часть дерьма, которое мы накидали сверху на других.

Когда-то давно Вы спросили меня, что именно я имею в виду, когда говорю об этом нашем «троне». Я тогда ответил, что если

⁷ См. мою книгу «Лидер как мастер единоборств» (Москва, 1993). — *Примеч. авт.*

мы смотрим на окружающих людей сверху, то мы избегаем их и, не осознавая этого, тем самым «гадим» на них. И как результат мы имеем мир, совершенно непригодный для жизни. Мы хотим найти безопасные и чистые, спокойные места, мы готовы улететь на Луну, лишь бы оставить позади, в городах и организациях, весь этот бардак!

Вы хотите узнать, как именно мы гадим? Мы парим в своих небесах, и нам дела никакого нет до реальных жизненных проблем, с которыми сталкиваются люди из менее привилегированных общественных групп.

ПСИХОЛОГИЯ И МИР

Здесь мы подходим к вопросу о связи между психологией с одной стороны и работой с миром с другой стороны. Вы думали, что некоторые люди не проявляют интереса к Вашей работе, потому что «они не готовы к анализу». Некоторые мои юнгианские коллеги до сих пор так говорят: «Те, кто отказываются от анализа, должны сначала сами разобраться со своими конкретными жизненными ситуациями».

Карл Густав, это звучит так, как будто работа с бессознательным — удел только тех, кто обладает социальными привилегиями. Если психология не занимается такими конкретными жизненными ситуациями, как бедность, расизм, конфликты в группах и международные конфликты, то она теряет связь с жизнью как целостным феноменом. И получается, что социальная элита может устранить от мировых проблем. Нет, мы все должны работать, чтобы изменить эту ситуацию. Я подозреваю, что одна из причин, почему психологией интересуются главным образом представители верхней прослойки среднего класса, заключается просто-напросто в том, что сама психология не хочет иметь никакого дела с групповыми процессами и такими острыми вопросами, как распределение экономических благ, проблемы сексуальных меньшинств, проблемы в отношениях между социальными группами, а также социальный активизм.

Научиться работать с проблемами равноправия — нелегкая задача. Ее нельзя решить в одиночку. Недостаточно просто сидеть дома, медитируя на свои сны. Придется еще сидеть в огне группового конфликта, разбираться со сновидением, которое за ним стоит, и учиться обходиться со всем этим прямо здесь и сейчас, в кругу семьи и друзей⁸.

БУДУЩЕЕ ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Знаю, что многие завидовали Вам и старались принизить значение того, что Вы сделали. Я, как мог, старался не попасть в эту ловушку. Но в любом случае никто не сможет преуменьшить Ваши интерес и уважение к тому, что Вы сами называли «Таинство» (the *Mysterium*). Предположу, что это может стать самым существенным вкладом юнгианской психологии в будущее психотерапии.

Мистическое существовало всегда. Но в психологии и психотерапии оно до сих пор является самой непризнанной частью. Интерес к мистицизму стоил Вам нескольких друзей, но для меня он значит больше, чем тот конкретный вклад, который Вы внесли в понимание структуры психики⁹.

Вы начали работать с алхимией, устанавливая связи между психологией и физикой именно тогда, когда синхронию и в то время находившуюся в процессе становления квантовую механику нужно было соединить с глубинной психологией. И вы опередили свое время по меньшей мере лет на 50. Только недавно я начал понимать всю глубину Вашей работы и сме-

⁸ Работе с группами посвящена моя книга «Сидя в огне» (Москва, 2004). — *Примеч. авт.*

⁹ Хотя Ваши идеи про сны, архетипы и фигуры сновидческой реальности (такие как Анимус и Анима), безусловно, интересны, они в недостаточной мере учитывают процессуальный характер психической реальности и представляют в жестком, фиксированном виде то, что по своей природе является подвижным и загадочным. — *Примеч. авт.*

лость, с которой Вы ее делали. Вспоминаю свое сопротивление, когда я начал изучать квантовую физику. Могу только представить, чего стоило Вам с Паули написать книгу, посвященную феномену синхронии¹⁰.

Я думаю, что в будущем мы увидим плоды начатой Вами и Паули работы по установлению связей между психологией и физикой. Готов поспорить, что студенты-физики будут тогда изучать психологию измененных состояний сознания, для того чтобы разобраться с математикой квантовой физики. И уж вне всяких сомнений студентам-психологам нужно будет обязательно изучать квантовую физику, чтобы понять природу того, что Вы назвали психоидным бессознательным. Уже сейчас есть много признаков того, что психология с физикой воссоединятся и в результате этого союза возникнет область исследований сознания.

У этой старинной тайны, которую алхимики называли *Unus Mundus*, или единый мир, я уверен, большое будущее¹¹. Психология и физика обязательно станут намного ближе друг к другу. Физики не смогут разобраться в математических основах квантовой механики, если не заглянут в психику человека. А терапевты без физики не смогут увидеть глубинную связь психики с происхождением и масштабом Вселенной.

Но этот *Unus Mundus* не просто связан с началом и судьбой нашего мира. «Единый мир» алхимиков сегодня врывается в жизнь каждого из нас в виде мультикультурных сообществ. Сегодня даже Швейцария «потемнела», она сейчас участвует в мировых делах даже больше, чем можно было когда-либо представить. И в каком-то смысле то же самое должно прои-

¹⁰ Речь идет о вышедшем в 1952 году в США сборнике «Истолкование природы и душа» (The Interpretation of Nature and the Psyche). В нем было две работы: «Синхрония: акаузальный связующий принцип» Юнга и «Влияние концепции архетипов на научные идеи Кеплера» Паули. — *Примеч. авт.*

¹¹ См. «Квантовый ум», гл. 18. — *Примеч. авт.*

зойти с юнгианской психологией. Она тоже придет к осознанию того, что мы живем в едином мире, будет уважать его и соединится со всем многообразием, которое он непрерывно порождает.

* * *

Моя работа всегда заключалась в том, чтобы следовать за процессом сновидения. Если я не могу понять человека, группу или определенное состояние сознания, то я делаю вывод, что сам недостаточно продвинул или что психология здесь зашла в тупик. Таким подходом к работе я отчасти обязан Вам. Наши отношения заставляют меня вновь и вновь осмысливать то, что я делаю. И еще я развиваю Ваши идеи. Спасибо за то, что остаетесь в контакте — не только со мной, но и со всеми нами. Знаете, в конечном счете именно Вы оказали на меня самое большое влияние. Меня вдохновляет та страсть, с которой Вы исследовали сферу неизвестного. Выбирая, куда мне двигаться дальше, я по-прежнему ориентируюсь на Вас.

Спасибо Вам за воодушевляющий призыв следовать за бессознательным. Вы самыми разными способами старались донести до нас это невероятное по своей мощи послание. Лучше всего это получилось, когда Вы стали старше и заговорили как алхимик, посоветовав нам взять дерьмо и приготовить из него золото.

Портленд, штат Орегон, США, 1999 год